

О современном состоянии и некоторых вопросах развития детской литературы

Доклад заместителя генерального секретаря Союза советских писателей СССР К. СИМОНОВА

Мне хотелось бы в качестве эпиграфа ко всему нашему предстоящему большому разговору о детской литературе поставить замечательные слова С. М. Кирова:

«У нас в советской практике никогда не было слишком глупых отклонений. Мы умеем закрывать глаза против шерсти... Преступником будет каждый из нас, кто по тем или иным соображениям станет рассуждать, что вот, мол, неудобно говорить, а лучше помолчу, не буду критиковать. Надо по-честному, по-большевистски, прямо глядя в товарищеские, коммунистические очи, сказать: «Ты, милый человек, загорелся, запутался. Если ты сам не поднимешься, я тебе помогу. Если нельзя за руку подтянуть, за волосы подниму. И сделаю все, чтобы тебя исправить, но если ты, милый человек, не исправишься, то пеняй на себя, тебе придется поостеречься».

Это высказывание С. М. Кирова очень умно и справедливо. Если мы действительно собираемся заниматься здесь, на пленуме, советской критикой и самокритикой.

Вся наша современная советская литература — это литература общества, стоящая на пороге коммунизма.

С точки зрения задач этого общества, сегодняшних и завтрашних, следует оценивать современное состояние и задачи, стоящие перед всей нашей литературой в целом и перед каждым из ее отрядов, в частности.

Поэтому, говоря о нашей детской литературе, надо начинать не с ее специфики, а с того, что объединяет ее с нашей литературой для взрослых, — с общности задач.

Советская детская литература, как неотъемлемая часть советской литературы, развивалась вместе со всей социалистической культурой страны.

Большевистская партия, Центральный Комитет ВКП(б) и лично товарищ Сталин внимательно следили за ростом советской детской литературы, помогали ей ясными, незыблемыми указаниями. В решениях партии и правительства по вопросам литературы и искусства, в специальных решениях по детской литературе, в указаниях по вопросам советской педагогики и школы дана развернутая программа развития советской детской литературы.

В день двадцатипятилетия «Комсомольской правды» товарищ Сталин в своем приветствии газете сформулировал самые важные задачи воспитания нашей молодежи:

«Уверен, что «Комсомольская правда» будет и впредь успешно выполнять задачи воспитания подрастающего поколения в духе преданности Ленинской партии, помогать молодежи овладевать достижениями науки и культуры, поднимать силы юных патриотов на борьбу за дальнейший расцвет нашей великой Родины!».

В исторических постановлениях ЦК ВКП(б) 1946 года по вопросам идеологии говорится, что деятели советской литературы и искусства призваны активно участвовать в деле воспитания советских людей, отвечать на их высокие культурные запросы, воспитывать советскую молодежь доброй, жизнелюбивой, преданной Родине и верящей в победу нашего дела, не боящейся препятствий, способной преодолевать любые трудности.

Вот программа, которую дала партия нашему искусству и литературе, программа воспитания советского человека. В этой программе особенно подчеркнуты задачи воспитания молодежи. Это относится ко всей нашей литературе и, не стирая грани между литературой для детей и литературой для взрослых, в то же время снимает все искусственные перегородки между ними, ставит, которые у нас еще до последнего времени находилось много охотников.

Ко всей нашей литературе, начиная с литературы для самых маленьких и кончая литературой, если можно так выразиться, для самых больших, необходимо подходить с единственным критерием: как помогает эта литература строить коммунизм и воспитывать людей, строящих коммунизм?

«В нашей стране воспитывать значит — революционизировать», — писал М. Горький. Но что значит — революционизировать? Это значит — с юных лет воспитывать человека, революционно мыслящего и революционно действующего. А револю-

ционных кругов довольно широко бытовала не-правильная и вредная теория относительно того, что у нас нет большой детской литературы, т. е., вернее, что есть несколько бесспорных имен давно работающих в детской литературе писателей — С. Маршак, А. Барто, С. Михалков, Л. Кассиль, есть книги безмерно полюбившегося Аркадия Гайдара, а притока новых молодых талантливых сил в детскую литературу якобы давно не видно. Эта теория искусственно поддерживалась рядом критиков, кулуарных фимам все вокруг одних и тех же имен.

Подогревало это и некоторыми обсуждениями, дискуссиями, на которых критики, вроде А. Ивца (да и не только он), сетовали: «Две уж нынче!» и кивали на якобы «золотой век» детской литературы, существовавший, по их мнению, в тридцатых годах.

Повинны в этой теории и те детские писатели, в лице которых иные критики и литературная молва склонны были видеть чуть ли не единственных достойных внимания представителей нашей детской литературы.

А между тем кому, как не им, пропе и удобное было разрушить миф о своем мнимом одиночестве на Парнасе детской литературы. Это тем более было просто и удобно им сделать, что они входили в редакционные советы издательств и имели влияние на состояние портфеля этих издательств, они руководили совещаниями, они возглавляли детскую комиссию и секцию, они отлично знали истинное положение дел в детской литературе и наличие в ней множества растущих талантливых и, надо сказать, далеко не всегда легко пробиравших себе дорогу людей.

Но, к сожалению, наши ведущие детские писатели, высказываясь по вопросам детской литературы и борясь за ее престиж, чаще занимались этим в порядке самоутверждения и гораздо реже — в порядке выдвижения новых кадров, забывая о том, что никакая литература, в том числе и детская, никогда не делалась и не будет делаться тремя, пятью или десятью человеками.

В последнее время, иногда в качестве реакции на вредные попытки замкнуть детскую литературу в узком кругу немногих давно известных лиц, а иногда просто по негипотезным мотивам, на заседаниях, а то и в печати появлялись высказывания некоторых товарищей о том, что, скажем, в творчестве Маршака или Барто нужно все пересмотреть, переосмыслить и подвергнуть уничтожающей критике.

Наиболее типичным выступлением подобного рода была зашатавшаяся статья П. Березова в журнале «Октябрь». Между тем для такого рода уничтожающей критики не было оснований, хотя, разумеется, и творчество С. Маршака и творчество А. Барто не лишены недостатков.

Сейчас, готовясь к докладу, я перечитал все то, что до этого года написала для детей Маршак, и я считаю своим долгом сказать, что вклад, сделанный С. Маршаком в нашу детскую литературу, трудно переоценить, — он велик. Мастер стиха, один из лучших современных русских советских поэтов, С. Маршак первый в детской поэзии в своем «Мистере Тивистере» дал образец глубоко общественного, остро-политического произведения, адресованного детям. А впоследствии, в сравнительно уже недавнее время, создал в этом жанре такие отличные вещи, как «Почта военная» и «Был — небыл».

А. Барто создала в детской поэзии немало ценного. Ее многочисленные книжки прочно вошли в быт маленьких детей. Особенно ценно, что именно за последние годы писательница стала на плодотворный путь создания небольших реалистических поэм о детях, лучшая из которых — «Звенигород».

Творчество этих поэтов, которое, конечно, не причиняло страха от критики, не имело оснований стать объектом критического разгрома, к тому же носящего характер зашатательности.

Однако нужно сказать, что общественная позиция этих ведущих детских писателей (и тут с ними эту ответственность разделяют и С. Михалков и Л. Кассиль), — в отношении общего развития детской литературы, роста кадров этой литературы, — в течение ряда лет была глубоко неверной.

такого, например, громадного явления в нашей жизни, как трудовые резервы? Я привожу в пример именно С. Михалкова, потому что уверен в его особенно больших возможностях в этом смысле. А где больше возможностей — там и больший спрос.

Вот то серьезное и принципиальное обвинение, которое вправе предъявить писательская общественность к таким видным детским писателям, как С. Маршак, С. Михалков, А. Барто, — обвинение в невнимании к молодым кадрам детской литературы, обвинение в слишком слабом чувстве ответственности за общие судьбы литературы.

Все это я говорю вовсе не для того, чтобы снять с секретариата Союза советских писателей, в том числе и с себя, хотя бы часть главной ответственности за те ошибки, которые имели место в нашей детской литературе. Секретариат совершенно недостаточно занимался детско-литературой, тем самым объективно поддерживая ложное воззрение о ее мнимой обособленности, о ее какой-то особой сверхспецифике, недоступной якобы пониманию писателей, пишущих для взрослых.

Я начал свой доклад с того, что еще недавно имела хождение неверная и вредная теория о том, что у нас якобы отсутствует детская литература или что, во всяком случае, она представлена у нас только несколькими писательскими именами.

Эта теория неверна, потому что у нас есть хорошая, хотя и имеющая ряд крупных недостатков, детская литература. Эта теория вредна потому, что ее корни уходят в незнание кадров, в отсутствие заботы о них и в отсутствие драгоценного чувства нового, без которого нет движения ни в литературе, ни в искусстве.

Попробую на минуту представить себе литературу для взрослых без имен, появившихся в ней или, во всяком случае, произведших на всю страну в последние три-четыре послевоенных года, — без А. Недогонова, П. Грибачева, М. Танка, М. Тургунова, В. Пановой, Б. Полевое, С. Бабаевского, В. Ажаева, М. Бубликова, А. Гончара, Эм. Казакевича, Е. Мальцева, Г. Гуляга, Ю. Липатова, В. Добровольского, А. Штейна, А. Сурова и ряда других поэтов, прозаиков и драматургов, произведения которых уже прочно вошли в сознание современного читателя, как неотъемлемая часть нашей литературы. Можно ли представить себе нашу современную литературу без этих имен и без этих книг? Конечно, нет, и это никому не придет в голову.

А теперь вернемся к нашей современной детской литературе и попробуем представить, например, ее прозу без таких имен, как И. Ликтанов, А. Мусатов, И. Василенко, М. Прилежская, И. Барнаухова, Л. Воронкова, О. Хавкина, В. Осеева, Е. Ильина, и целый ряд других авторов (список можно было бы расширить), часть из которых работает в детской литературе далеко не первый год, но чьи голоса окрепли именно сейчас, окрепли на темах, связанных с современностью. Нет, представить себе современную детскую литературу, в частности, прозу, без книг этих писателей нельзя. Они вошли в нее вместе с рядом других книг неотъемлемым вкладом.

Писатель, в частности детский писатель, должен писать книги талантливые и интересные — это, конечно, не подлежит сомнению. Интересную книгу можно написать только об интересном — об интересных людях и интересных событиях, — это тоже не подлежит сомнению. Но вот что считать интересным — на этот счет в детской литературе до последнего времени существовали серьезные расхождения во взглядах, причем расхождения настолько принципиальные, что нет никаких причин сглаживать их или говорить о них между прочим. О них нужно говорить во весь голос.

Горький писал: «Природе ребенка свойственно стремление к яркому, необычайному. Необычайным и ярким у нас в Союзе является то новое, что создает революционная энергия рабочего класса. Вот на этом необходимо закреплять внимание детей, это должно быть главным материалом их социального воспитания».

Если для писателя самым необычайным и ярким является то, что он наблюдает

обществе; нашли это необычайное и яркое и в труде наших подростков на колхозных нивах и в социалистической промышленности; нашли это необычайное и яркое и в новой, социалистической морали, и в новых отношениях, возникающих в нашей школе, в новом отношении к труду, к друзьям, к врагам, ко всему окружающему миру.

Мне кажется, что в этой связи мы прежде всего должны здесь, на пленуме, как глубоко положительные явления, отметить такие произведения, как «Малышок» И. Ликтанова и «Звездочка» И. Василенко, повествующие о начале пути будущих ведущих людей нашей промышленности, произведения, воспевающие труд в промышленности, его героизм, его драматизм, его необычайную яркость. Наконец, произведения, которые зовут детей к выбору великой профессии рабочего и которые зовут литературу к изображению красоты и значительности этого труда.

Мне кажется, что вслед за упомянутыми книгами о наших ремесленниках мы должны здесь назвать написанные за последние годы хорошие книги о нашей колхозной деревне, о колхозных ребятах, такие, как «Село Городище» Л. Воронковой, и, в особенности, отличную книжку А. Мусатова «Стожары». В значительной мере к этим книгам примыкает и книжка И. Барнауховой «Повесть о дружных».

Эти книги о детях колхозной деревни, о сельской школе овеяны большой суровой правдой жизни. Помощь взрослым, труд детей в нелегких условиях войны и первых лет послевоенной жизни показаны в этих книгах не только как дело благородное и хорошее, но и как нечто весьма яркое, драматическое и героическое, вошедшее в жизнь детей, как трудность, и в то же время, как радость, как забота, и в то же время, как интерес.

Теперь мне хочется перейти к вопросу о «школьной повести», причем с самого же начала оговориться, что хотя этот термин условно можно принять, но чрезмерное подчеркивание его было бы неверным.

Говорить о школьной повести как некоем совершенно обособленном, имеющем чуть ли не свои законы, жанре, как об этом недавно говорила в своем докладе о школьной повести в Союзе писателей критик В. Смирнов, — неверно. Неверно хотя бы уже по одному тому, что в стране, где введено всеобщее обязательное обучение, всякая повесть о детях школьного возраста в той или иной мере — повесть школьная.

В сущности, в понятие «школьная повесть» у нас выделяли книги, в которых повествуется о школе, главным образом, городской, и о ребятах, главным образом, не связанных с трудом на производстве или в деревне и занятых только учебой. Определение, в достаточной степени условное, но для начала приемлемое.

Среди этих повестей, как наиболее ценные, следует отметить книги: «С тобой товарищ» М. Прилежской, «Васек Трубачев и его товарищи» В. Осеевой, «Всегда вместе» О. Хавкина и «Про наши дела» Ю. Сотника — книгу, адресованную более младшему возрасту, чем все предыдущие.

Наиболее художественно совершенной из этих книжек, мне кажется, является книга М. Прилежской. Эта книга написана с большим тактом. Всего на одном, казалось бы, отнюдь не из ряда вон выходящем факте школьной жизни писатель ставит ряд глубоких вопросов этики, морали, дружбы, принципиального отношения к товарищам и правильно решает эти вопросы.

Хорошую, очень душевную и как раз чудную той диалектике, в которой ее обложно обвиняли, книжку написала В. Осеева.

Но мне кажется, что при ряде недостатков, при отсутствии до конца стройной композиции, при незавершенности некоторых образов наиболее принципиально интересной из этих книг, входящих в условную категорию «школьной повести», является книжка чинского писателя О. Хавкина «Всегда вместе».

Я не буду здесь говорить о том, что книга обличает в авторе даровитого и многообещающего писателя. Я хочу сказать о том принципиальном решении вопроса в отношении советской школы, которое есть в этой книге и которое позволяет мне сказать, что самое понятие «школьной повести» в том узком значении, которое ей

востер или отчисляла их от этого разряда.

Неверно было бы, конечно, протестовать против того, чтобы в книжке, в которой говорится о школе, рассказывалось о том, как идут уроки. Но еще более неверно подходить к этому вопросу с необыкновенно узкой точки зрения: сколько часов классовых занятий приходится на каждые сто страниц произведения.

Если писатель станет на ту твердую точку зрения, что школа должна быть еще глубже связана с жизнью, что интересы ребят и кругозор их должны все более и более расширяться, что в повести о школе может появиться завод, что в повести о восьмиклассниках могут появиться ремесленники, что в повести об учительнице могут появиться и агрономы или геологи, а не обязательно только учителя той же школы, то он только поддержит передовые тенденции в жизни нашей школы.

Писатель должен пропагандировать это новое в своих произведениях и таким образом изменять и преобразовывать самую жизнь. В этой области обратного влияния литературы на жизнь есть разительные примеры. Ведь не «Тимур и его команда» появились в результате того, что были тимуровцы, а наоборот, тимуровцы, как массовое явление, появились в результате того, что вышла книга А. Гайдара «Тимур и его команда». Причем, конечно же, Гайдар, как чуткий художник и как переловой советский человек, увидел эти тенденции в жизни, но он их собрал, выкристаллизовал, изобразил в законченной художественной форме, и в такой форме они стали явлением, влияющим на жизнь.

В лучших наших книгах правдиво, без сиюминутности, без лакировки и патоки показана та реальная жизнь, какой живет сейчас большинство советских детей. С одной стороны, это жизнь, в которой перед ребенком открыты самые широкие возможности: возможность образования, культурных развлечений, возможность развития всех заложенных в нем талантов.

В то же время в этих книгах показано, как дети умеют и любят трудиться, как самому широкому кругу советских детей, в независимости от большего или меньшего достатка той или иной семьи, всем с малых лет прививается уважение, естественная любовь и тяга к посильному и интересному для них труду.

Словом, в этих книгах правдиво изображен образ жизни наших детей, их демократическое советское воспитание.

В большинстве перечисленных мною книг детской прозы вопросы трудового воспитания детей решаются в общем правильно, за исключением, пожалуй, книги Ю. Сотника «Про наши дела» — талантливой и остроумной, но на некоторых страницах которой, к сожалению, труд превращается только в развлечение, в забаву, в повод для приключений.

Но если от прозы перейти к нашей детской драматургии и поэзии, то здесь с вопросом трудового воспитания детей и молодежи гораздо менее благополучное положение, чем в прозе. В большинстве пьес, появившихся в последнее время и рассчитанных на юного зрителя, с редкой последовательностью обходится тема труда. В одной пьесе заглавнейший отличник, вопреки настоянию коллектива, не желает помочь учиться товарищу; в другой товарищи помогают окончить школу внезапно ослепшей десятикласснице; в третьей идет спор о том, что принципиально писать одни стихи, уподобные, для себя, и другие стихи, холодные и мнимо пафосные, для всех, в школьную стенгазету; в четвертой опять идет речь о зазнавшемся, зарвавшемся и оторвавшемся от коллектива десятикласснике.

Все это само по себе не беда. Могут существовать для детей и юношества и все эти темы, но беда, когда эти пьесы почти целиком определяют основной репертуар театров юного зрителя, когда наряду с этим лет или почти нет ни пьес о молодых рабочих, ни пьес о молодых колхозниках. Словом, нет пьес о подростках, о юношах, о девушках, трудящихся с молодыми лет.

Читая эти пьесы В. Любимовой, Л. Гераскиной, А. Симукова, В. Розова, можно подумать, что у нас нет других юношей и девушек, кроме кончающих десятилетки и идущих сразу затем в высшие учебные заведения. Как будто, окончив школу, у нас не идут на фабрики на заводы, в техникумы, в колхозы, в артели, в различные отрасли народного хозяйства, в различные отрасли культуры и искусства, в различные отрасли государственной и общественной деятельности.

В-третьих — храбрость. Социалистический человек — человек труда — он хочет завоевать мир, и не только мир, существующий на земном шаре, но и вселенную, раздвинуть разум человека.

В-четвертых — товарищеская спайка. Надо, чтобы товарищеская спайка была. Она нужна хотя бы потому, что мы находимся в капиталистическом окружении...

В-пятых — это надо любить труд. Не только любить, но и честно относиться к труду, твердо при этом памятуя, что если человек живет, питается и не работает, то это значит, что он поедает чужой труд...

Дисциплина — это само собой — она вытекает из тех качеств, о которых я говорил выше.

Я хочу обратить особое внимание на слова М. И. Калинина о дисциплине, о том, что она вытекает из этих качеств, а не является самоцелью воспитания, как это думают некоторые наши детские писатели и некоторые критики детской литературы.

М. И. Калинин говорил:

«Я лично очень уважаю людей, которые выработали свои убеждения и свой характер. Но, может быть, вам еще рано об этом беспокоиться? Нет, товарищи, не рано. Вероятно, вы хорошо знаете жизненный путь товарища Сталина. Уже в пятинадцатилетнем возрасте он стал марксистом, а семнадцати лет его изгнали из семинарии за то, что он имел определенные политические убеждения, целиком направленные против царского самодержавия, против капитализма. Вот видите, как рано самоопределяется товарищ Сталин. Но если прежде люди могли так рано самоопределяться, то вам теперь куда легче решить эту задачу».

Как видите, здесь подчеркнуто, что именно в нашем обществе характер ребенка должен рано самоопределяться, рано могут и должны формироваться его убеждения, взгляды.

Поэтому совершенно потерпевшим в нашей детской литературе такие произведения, которые откладывают серьезное формирование характера ребенка на неопределенное, послезавтрашнее будущее, а до этого считают преждевременным вырабатывать в нем характер человека нового общества.

В этой связи я хочу остановиться на повести Р. Фраермана «Дальнее плавание». Она мне кажется образцом неправильного взгляда писателя на то, что такое характер человека нового общества и как его надо воспитывать.

Я опускаю разбор погрешностей против здравого смысла, имеющихся в этой книге. Я не хочу подробно останавливаться и на другом, более важном — на том, что в стране, отдавшей для победы миллионы жизней своих сынов и дочерей, по воле автора книги существует, как положительная героиня, девушка, которая находит в себе силы взглянуть в изуродованное на войне лицо своего любимого учителя. Самая мысль писателя построить на этом сюжет целой повести мне кажется чудовищной по своей бестактности.

Но я хочу остановиться на другом. В конце повести Р. Фраерман считает, что его героиня готова отправиться в дальнее плавание, то-есть готова стать активным строителем коммунизма. Но так ли это? С чем они приходят к началу дальнего плаванья, пройдя через страницы повести?

С тем, что Галя нашла в себе силы наконец взглянуть в обезображенное лицо учителя и обещала, что будет трудиться. С тем, что Анка, всю повесть по-типажически восторженно относившаяся к своей подруге, как к некоему высшему существу, оказалась необыкновенно доброй девушкой, даже испугавшейся того, что ее может полюбить юноша, которого любит она сама, но которого любит и ее подруга?

В героях нет тех качеств, которые должны прививать молодому человеку: ни любви к народу, ни любви к труду, ни товарищеской спайки, ни храбрости, ни даже честности.

Автор этой книги не увидел, не пожелал увидеть настоящей красоты суровых, строгих, нелегких человеческих отношений, сложившихся в условиях бед и лишений войны, — вместо этого он отдал свое дарование на создание мнимой жизни с мнимыми проблемами, мнимыми героями с мнимыми качествами.

Окончание доклада К. Симонова

НАЧАЛО СМ. НА 2 СТР.

Л. Кассиль не несет в себе ничего подлинно романтического.

В детской литературе до сих пор бытуют разные взгляды на романтику. При правильном взгляде писатели находят эту романтику внутри окружающей реальной жизни, и эта романтика оказывается романтикой комсомольцев Крснодона, романтикой людскими руками воссоздаваемых из пенья деревень и городов, романтикой звездочки, выточенной детскими руками из непокорного металла. Другой взгляд на романтику в детской литературе — взгляд глубоко неверный, при котором писатель ищет эту романтику где-то в стороне от реальной жизни.

Эти писатели отвергают, как материал для создания литературных произведений, не изученную ими и, по их мнению, якобы неинтересную и некрасивую жизнь и придумывают вместо этой жизни, по их мнению, якобы интересную и красивую игру.

Вот в чем, в частности, долгие годы была беда такого даровитого писателя, как Л. Кассиль, постоянно пытавшегося приукрасить жизнь созданием параллельно существующего, придуманного мира.

Я рад, что имею возможность сказать о том, что удачная книга Л. Кассиля, написанная им совместно с М. Поляновским «Улица младшего сына», говорит об отказе этого писателя от его старых позиций ложной романтики. Эта книга, обладающая еще рядом свойственных Л. Кассилю языковых погрешностей, книга, в которой есть две или три неудачные главы, в то же время никак не заслуживает той зашумительской критики, которая появилась, например, в газете «Красный Крым». В целом это хорошая книга. В ней интересно и убедительно рассказывается о формировании самобытного и сложного характера талантливой героической советской девочки Володи Дубинина. И насколько же это оказывается правдивее, глубже и по-настоящему занимательнее, чем история придуманной своенравной Сими Крупицкой и тоже придуманного благородного Распеченя со всеми его труба-барабанами!

Говоря о воспитании характера, как об одной из основных задач детской литературы, нужно вплотную поставить перед детскими писателями вопрос, который был поставлен перед нами еще много лет назад в докладе тов. А. А. Андреева. «...к сожалению, — говорил товарищ Андреев, — до сих пор нет для детей хороших биографий Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. А все это чрезвычайно необходимо для социалистического воспитания детей через художественную литературу».

Наряду с этим стоит вопрос о создании биографий, повестей о таких людях, как Калинин, Свердлов, Дзержинский, о выдающихся деятелях большевистской партии, о героях гражданской войны, о людях, которые дают молодежи высокие образцы жизненного поведения. Такие книги, как «Рассказы о Ленине» А. Кононова, как «Мальчик из Уржума» А. Голубевой, как вышедшая недавно документальная книга Е. Кошевой о ее сыне, — пока еще слишком одиноки в нашей советской литературе.

Тема общественного долга, тема воспитания в духе коммунизма должна пронизывать всю нашу детскую литературу, и надо сказать — в ее лучших произведениях эта тема находит сейчас свое благородное развитие.

Мне хотелось поставить тут один вопрос, связанный с этой темой, поставить его на материале пьес для детей и юношества — «Аттестат зрелости» Л. Гераскиной, «Воробьевы горы» А. Симукова и «Они поспорили» В. Любимовой.

Во всех этих пьесах говорится о том, как плохо ставить личное дело выше общественного, как плохо, когда молодой человек становится на путь индивидуализма и отрывается от коллектива. Это все верно.

Но во всех этих пьесах, где действуют выпускники из десятилеток, индивидуалистами, оторвавшимися от коллектива, обязательно становятся самые способные и талантливые ученики в классе. В результате, когда прочтешь несколько пьес подряд, создается какое-то странное ощущение, что самые способные ученики — это непременно индивидуалисты, непременно одиночки, которым почему-то особенно неуютно в коллективе.

Так ли это на самом деле? Наверное, бывает и так. Но типично ли это?

цензий и, в особенности, высказываний на всяких обсуждениях и дискуссиях по вопросу детской литературы, в неуважении к темам труда в нашей литературе, в самой системе некоторых эстетских оценок спрятаны критерии, идущие от существующего еще у иных товарищей преклонения перед американской и английской буржуазной детской литературой и, в частности, англо-американской школьной повестью.

Но нельзя умиляться мнимыми эстетическими достоинствами западной буржуазной детской литературы и не понимать, что эта литература вполне сознательно воспитывает наших врагов.

Нельзя также, продекларировав свое несогласие с идеями установками этой литературы, пытаться в то же время переносить в нашу литературу ее формы, ее эстетические методы, ее литературную манеру.

Теперь я хочу кратко остановиться на вопросе о занимательности, об увлекательности детской книги. Для детской литературы необыкновенно важен вопрос занимательности. Детская книга должна быть и серьезной и занимательной, а когда мы, признавая достоинства книги, в то же время отмечаем, что она, к сожалению, недостаточно занимательна, то это значит, что мы, оценивая книгу положительно, делаем писателю скидку, потому что он непознато справился со своей идейной и художественной задачей.

Не случайно приключенческие книги занимают неотъемлемо важное место в детской литературе. Книги приключений призваны воспитывать в ребенке волевые качества, смелость, находчивость, мужество. Естественно, что наше новое время накладывает новую печать и на приключенческую литературу. В центре ее должен стоять человек, попадающий в невероятные и исключительные обстоятельства, но проявляющий в них реальные качества живого советского человека, его типические черты. У нас есть хороший образец приключенческого романа — «Два капитана» В. Каверина.

В последнее время разгорелся спор об одной интересной книге, написанной в приключенческом жанре, — о «Кортике» А. Рыбакова, и в этом споре обнаружилась одна любопытная вещь. Ряд товарищей, выступавших по поводу этой книги так же, как и по поводу других книг приключенческого жанра, заняли странную позицию. В принципе они за приключения, за необходимость существования приключенческого жанра, а на практике, при конкретном разборе произведений, они против, буквально, каждого приключения, которое там происходит.

«Кортик» А. Рыбакова, безусловно, заслуживает критики, на мой взгляд, совершенно по другой линии — по линии того, что автор, поставив перед собой задачу написать приключенческую повесть, как раз недостаточно смело и мастерски связал все происходящее в книге в единую цепь приключений.

Отсутствие хорошей увлекательности может превратить детскую литературу в нудное чтение, а нудное чтение — это уже не литература, ни детская и никакая другая.

Еще один вопрос, тесно связанный с тем, которого я только что коснулся. Недавно в статье товарища И. Каирова, со всеми основными положениями которой нельзя не согласиться, было одно место, касающееся пьесы В. Розова «Ее друзья», которое мне лично представляется принципиально неверным, и я процитирую его:

«Писатель В. Розов написал пьесу для детей «Ее друзья». Побуждения у автора были самые благородные: показать силу детской дружбы. Но в основу своей пьесы он положил такой мало характерный факт, как слепота девушки. Какое же может быть сомнение в том, что советские юноши и девушки придут на помощь своему ослепшему товарищу? Ведь здесь даже нет никакого вопроса, некого и не в чем убеждать. Гораздо интересней и важнее было бы показать силу детского коллектива, крепкой дружбы на фактах, часто встречающихся в жизни нашей молодежи».

Мне это положение тов. Каирова кажется неверным, потому что, если статья на эту точку зрения и продолжать линию рассуждения, следует признать и мало характерным, безусловно, редким фактом то, что слепотой подвержено с детства Маша.

напомнить книги таких, много давших советской детской литературе, писателей, как Б. Житков, как В. Бианки, В. Арсеньев, И. Бажов, М. Пришвин.

Говоря о советской детской драматургии, нельзя не упомянуть таких этапных в ее истории пьес, как «Винтовка № 492116» А. Крона, как «Продолжение следует» А. Бруштейн, как «Сказка» и «Двадцать лет спустя» М. Светлова, «Красный галстук» С. Михалкова.

Для того чтобы дать некоторое представление о богатстве и широте нашей современной детской литературы, в которой только за 1946—48 годы издано 3350 названий общим тиражом в 116 млн. экземпляров, мне хочется в добавление к тем книгам, о которых я, как о положительном явлении, уже говорил, назвать еще некоторых писателей и еще некоторые книги.

Надо назвать такие книги, как исторические повести С. Григорьева, в первую очередь «Малахов курган»; такие книги бывалых людей, как книга А. Яковлева «Рассказы из жизни», «Повесть о сыне» Е. Кошевой и «Служу родине» И. Кожедуба; такая документально-художественная биография, как «Четвертая высота» Е. Ильиной; такие книги о молодых педагогах, как «Мой класс» Ф. Витдоровой; такие книги, как посвященные важнейшей теме дружбы народов повести А. Кононова «У железного ручья» и Я. Тайца «Под горой Гедлимина»; книжки рассказов И. Дика и Ю. Сотника; книжка С. Георгиевской «Бабушкино море», «Веселая семейка» Н. Носова, «Далеко ли до Сайгата?» А. Перфильевой.

Затем новые книжки детских стихов Е. Благиной, Н. Саконой, З. Александровой, Е. Трутневой, Н. Артюховой, О. Бедарева. Поэму А. Барто, поэму С. Михалкова «В Музей В. И. Ленина», своеобразные книжки Е. Шварца «Первоклассница» и «Наш завод» (написанную совместно с И. Фрезом), «Амурские сказки» Д. Нагишкина, а также еще незавершенную, но своеобразную и ставящую перед собой большие задачи книгу Н. Кончаловской «Наша древняя столица».

Следует упомянуть также о таких, посвященных историко-революционной тематике книгах, как «Штурм Зимнего» Е. Савельева и «Бессмертный корабль» Л. Юнг. Необходимо назвать книгу Э. Выгодской «Опасный беглец», посвященную борьбе колониальных народов Индии за свое освобождение.

Следует, наконец, сказать о таких боевых, политических острот, пробуждающих в сердцах детей ненависть и презрение к американскому фашизму пьесах, как «Снежок» Любимовой и «Я хочу домой» С. Михалкова.

Мне хотелось перед тем, как заключить свой доклад, хотя бы этим перечислением дать общее представление о богатстве и значимости нашей современной детской литературы.

Перед нашей детской литературой стоят необыкновенно большие задачи, связанные с тем, что она формирует характер людей, которые будут жить при коммунизме. Нужно над этим глубоко задуматься и, в-первых, особенно строго и принципиально отнестись к недостаткам нашей литературы, к принципиальным ошибкам ряда наших детских писателей и, во-вторых, правильно оценить то большое литературное хозяйство, которое есть в нашем распоряжении, те сотни книг, которые издают неплохо работающий в последнее время Детгиз и другие издательства. Нам необходимо прежде всего отметить существующие в этом хозяйстве пробелы, которые надо заполнить.

Я уже говорил, что совершенно недостаточно развита у нас историко-революционная литература для детей. Мало книг о истории нашей Родины.

Если перейти к современным темам, то здесь нужно с полной ясностью отдать себе отчет в том, что мы, не задумываясь, называем пока только две хорошие книги — И. Ликтанова и И. Василенко, посвященные теме труда в нашей промышленности, потому что, к сожалению, нам не над чем особенно задумываться: других равноценных книг на эту тему пока еще нет. То же самое целиком можно сказать и о книгах для детей, посвященных нашей колхозной деревне. Их тоже слишком мало, нетерпимо мало.

Я думаю, высказывая при этом свое личное мнение, что очень полезную организующую роль мог бы сыграть журнал, вокруг которого сгруппировался бы актив

яющая еще рядом с собой, а классический язык погрешностей, книги, в которой есть две или три неудачные главы, в то же время никак не заслуживает той зашумительной критики, которая появилась, например, в газете «Красный Крым». В целом это хорошая книга. В ней интересно и убедительно рассказывается о формировании самобытного и сложного характера талантливого героического советского мальчика Володи Дубинина. И насколько же это оказывается правдивее, глубже и по-хорошему занимательнее, чем история придуманной своенравной Сими Крупницкой и тоже придуманного благородного Расчепея со всеми его труба-барабанами!

Говоря о воспитании характера, как об одной из основных задач детской литературы, нужно вплотную поставить перед детскими писателями вопрос, который был поставлен перед нами еще много лет назад в докладе тов. А. А. Андреева. «...к сожалению, — говорил товарищ Андреев, — до сих пор нет для детей хороших биографий Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. А все это чрезвычайно необходимо для социалистического воспитания детей через художественную литературу».

Наряду с этим стоит вопрос о создании биографий, повестей о таких людях, как Калинин, Свердлов, Дзержинский, о выдающихся деятелях большевистской партии, о героях гражданской войны, о людях, которые дают молодежи высокие образцы жизненного поведения. Такие книги, как «Рассказы о Ленине» А. Кононова, как «Мальчик из Уржума» А. Голубевой, как выпущенная недавно документальная книга Е. Кошевой о ее сыне, — пока еще слишком одиноки в нашей советской литературе.

Тема общественного долга, тема воспитания в духе коммунизма должна пронизывать всю нашу детскую литературу, и надо сказать — в ее лучших произведениях эта тема находит сейчас свое благородное развитие.

Мне хотелось поставить тут один вопрос, связанный с этой темой, поставить его на материале пьес для детей и юношества — «Аттестат зрелости» Л. Гераскиной, «Воробьевы горы» А. Симуква и «Они поспорили» В. Любимовой.

Во всех этих пьесах говорится о том, как плохо ставить личное дело выше общественного, как плохо, когда молодой человек становится на путь индивидуализма и отрывается от коллектива. Это все верно.

Но во всех этих пьесах, где действуют выпускники из десятилеток, индивидуалистами, оторвавшимися от коллектива, обязательно становятся самые способные и талантливые ученики в классе. В результате, когда прочтешь несколько пьес подряд, создается какое-то странное ощущение, что самые способные ученики — это непременно индивидуалисты, непременно одиночки, которым почему-то особенно неуютно в коллективе.

Так ли это на самом деле? Наверное, бывает и так. Но типично ли это? Убежден, что нет. Убежден, что и в школах, так же как и в дальнейшем, выдвигаясь на самостоятельную дорогу, в советском обществе способные и талантливые люди находятся в благоприятной атмосфере, находятся в условиях, когда они свободно могут развивать свои таланты и способности. Я думаю, для нашего общества в целом, для советской школы более типичны случаи, когда отсталый человек самым фактом своей отсталости противопоставляет себя коллективу, когда индивидуалистом оказывается тот, кто, имея все объективные возможности для того, чтобы хорошо учиться и работать, плохо учится и плохо работает.

Мне кажется, что в однообразном решении этой темы авторы пьес оказались в плену у наиболее острого и выигрышного, по их мнению, драматического конфликта и, пойдя по этой проторенной дорожке, отошли в сторону от жизненной правды, от реального положения вещей в советском обществе.

Вопросы общественного воспитания, общественной морали, правильного общественного поведения человека, которому предстоит строить коммунистическое общество, должны быть во главе угла в детских книгах. Все вопросы морали, нравственности, этики должны быть подчинены этой главной проблеме.

Ленин писал: «...для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует... Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата». Это положение надо твердо помнить и, основываясь на нем, строго критиковать все попытки в детской литературе проповедовать нравственность, мораль, этику человеческого поведения, как нечто отвлеченное от классовой сущности общества.

Мне кажется, что в ряде статей и ре-

своей идейной и художественной задачей. Не случайно приключенческие книги занимают неотъемлемо важное место в детской литературе. Книжки приключений призваны воспитывать в ребенке волевые качества, смелость, находчивость, мужество. Естественно, что наше новое время накладывает новую печать и на приключенческую литературу. В центре ее должен стоять человек, попадающий в невероятные и исключительные обстоятельства, но проявляющий в них реальные качества живого советского человека, его типические черты. У нас есть хороший образец приключенческого романа — «Два капитана» В. Каверина.

В последнее время разгорелся спор об одной интересной книге, написанной в приключенческом жанре, — о «Кортике» А. Рыбакова, и в этом споре обнаружилась одна любопытная вещь. Ряд товарищей, выступавших по поводу этой книги так же, как и по поводу других книг приключенческого жанра, заняли странную позицию. В принципе они за приключения, за необходимость существования приключенческого жанра, а на практике, при конкретном разборе произведений, они против, буквально, каждого приключения, которое там происходит.

«Кортик» А. Рыбакова, безусловно, заслуживает критики, на мой взгляд, совершенно по другой линии — по линии того, что автор, поставив перед собой задачу написать приключенческую повесть, как раз недостаточно смело и мастерски связал все происходящее в книге в единую цепь приключений.

Отсутствие хорошей увлекательности может превратить детскую литературу в нудное чтение, а нудное чтение — это уже не литература, ни детская и никакая другая.

Еще один вопрос, тесно связанный с тем, которого я только что коснулся. Недавно в статье товарища И. Каирова, со всеми основными положениями которой нельзя не согласиться, было одно место, касающееся пьесы В. Розова «Ее друзья», которое мне лично представляется принципиально неверным, и я процитирую его:

«Писатель В. Розов написал пьесу для детей «Ее друзья». Побуждения у автора были самые благородные: показать силу детской дружбы. Но в основу своей пьесы он положил такой мало характерный факт, как слепота девушки. Какое же может быть сомнение в том, что советские юноши и девушки придут на помощь своему ослепшему товарищу? Ведь здесь даже нет никакого вопроса, некого и не в чем убеждать. Гораздо интересней и важнее было бы показать силу детского коллектива, крепкой дружбы на фактах, часто встречающихся в жизни нашей молодежи».

Мне это положение тов. Каирова кажется неверным, потому что, если стать на эту точку зрения и продолжать линию рассуждения, следует признать и мало характерным, безусловно, редким фактом то, что, скажем, произошло с летчиком Маресьевым или с писателем Николаем Островским. Это факты, конечно, редкие, исключительные. Но если писатель, взяв исключительные события, исключительную человеческую судьбу, в то же время на этом исключительном факте показывал типические для советских людей черты характера и самого героя и окружающих его персонажей произведения, то разве он не может на материале исключительной судьбы героя добиться больших типических обобщений?

Если мы обратимся к тем богатствам, которыми располагает наша детская литература, то в числе этих богатств законно назовем ряд книг взрослой литературы. Стоит только вспомнить, какую громадную роль на протяжении истории развития советской литературы в деле формирования характера советских детей сыграли такие книги, как «Железный поток» А. Серафимовича, «Чалаев» Д. Фурманова, «Разгром» А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Стихи о советском паспорте» и многие другие стихи В. Маяковского, а в последние годы такие образы, как образ Мересьева в «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, образ комсомольцев Краснодона в «Молодой гвардии» А. Фадеева. Такие написанные для взрослых книги, как «Педагогическая поэма» и «Флаги на багнях» А. Макаренко, сыграли необыкновенно большую роль в воспитании советских детей и прямым, непосредственным воздействием и воздействием, так сказать, вторичным, через воспитание молодых советских педагогов.

Из лучших книг собственно детской литературы следует назвать почти все написанное Аркадием Гайдаром; многие стихи С. Маршак, впервые в детской советской поэзии введенные в обиход маленьких детей большие темы жизни и политики. Следует

ре». «Веселая семейка» Н. Писова, «Далеко ли до Сайгатки?» А. Перфильевой.

Затем новые книжки детских стихов Е. Благиной, Н. Саконской, З. Александровой, Е. Трутневой, Н. Артюховой, О. Бедарева. Поэму А. Барто, поэму С. Михалкова «В Музей В. И. Ленина», своеобразные книжки Е. Шварца «Первоклассница» и «Наш завод» (написанную совместно с И. Фрезом), «Амурские сказки» Д. Нагишкина, а также еще незавершенную, но своеобразную и ставшую задачей книги Н. Кончаловской «Наша древняя столица».

Следует упомянуть также о таких, посвященных историко-революционной тематике книгах, как «Штурм Зимнего» Л. Савельева и «Бессмертный корабль» Е. Юнга. Необходимо назвать книгу Э. Выгодской «Опасный беглец», посвященную борьбе колониальных народов Индии за свое освобождение.

Следует, наконец, сказать о таких боевых, политически острых, пробуждающих в сердцах детей ненависть и презрение к американскому фашизму пьесах, как «Снежок» Любимовой и «Я хочу домой» С. Михалкова.

Мне хотелось перед тем, как заключить свой доклад, хотя бы этим перечислением дать общее представление о богатстве и значимости нашей современной детской литературы.

Перед нашей детской литературой стоят необыкновенно большие задачи, связанные с тем, что она формирует характер людей, которые будут жить при коммунизме. Нужно над этим глубоко задуматься и, во-первых, особенно строго и принципиально отнестись к недостаткам нашей литературы, к принципиальным ошибкам ряда наших детских писателей и, во-вторых, правильно оценить то большое литературное хозяйство, которое есть в нашем распоряжении, те сотни книг, которые издаются неслыханно работающий в последнее время Детгиз и другие издательства. Нам необходимо прежде всего отметить существующие в этом хозяйстве пробелы, которые надо заполнить.

Я уже говорил, что совершенно недостаточно развита у нас историко-революционная литература для детей. Мало книг о истории нашей Родины.

Если перейти к современным темам, то здесь нужно с полной ясностью отдать себе отчет в том, что мы, не задумываясь, называем пока только две хорошие книги — И. Ликанова и И. Василенко, посвященные теме труда в нашей промышленности, потому что, к сожалению, нам не над чем особенно задумываться: других равноценных книг на эту тему пока еще нет. То же самое целиком можно сказать и о книгах для детей, посвященных нашей колхозной деревне. Их тоже слишком мало, нетерпимо мало.

Я думаю, высказывая при этом свое личное мнение, что очень полезную организующую роль мог бы сыграть журнал, вокруг которого сгруппировался бы актив нашей детской литературы, — литературно-художественный и общественно-политический большой, двухнедельный или ежемесячный журнал, рассчитанный на школьников старших классов школы, на учеников ремесленных училищ, на вступивших в жизнь городскую и сельскую молодежь. Такой журнал должен издаваться с многочисленными приложениями. В нем должны печататься лучшие художественные произведения для детей старшего возраста, для молодежи и критические статьи, потому что критические статьи о детской литературе необходимы не только детским писателям, но и читателям детской литературы.

Наша детская литература растет и крепнет. В своей основе — это здоровая и в верном направлении растущая литература. Вопрос сейчас стоит только в том, чтобы активно и твердой рукой поддержать в ней наиболее идейное, передовое, ценное и важное для воспитания юных ленинцев, людей нового общества, чтобы наряду с этим обратить в дальнейшем особое пристальное внимание на вопросы художественного совершенствования, ни в коем случае не почивая на лаврах и не удовлетворяясь достигнутым.

Этого мы сможем достигнуть, только свято помня слова товарища И. В. Сталина.

«Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, — говорит товарищ И. В. Сталин, — вот основа нашего развития. Не отменяя и не выводя открыто и честно, как это подобает большевикам, недочеты и ошибки в нашей работе, мы закрываем себе дорогу вперед. Ну, а мы хотим двигаться вперед. И именно потому, что мы хотим двигаться вперед, мы должны поставить одной из своих важнейших задач честную и революционную самокритику. Без этого нет движения вперед. Без этого нет развития».